

**«ВЕК ЖИВИ – ВЕК ЛЮБИ» КАК РУКОВОДСТВО  
ПО ПОВЕДЕНИЮ В БЕЗДНЕ  
(философский смысл одноимённого рассказа В. Г. Распутина)**

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 21.

УДК 821.161.1

Власова Е. «Вік живи – вік люби» як керівництво по поведінці в безодні: (Філософський сенс однойменної розповіді В.Г. Распутина)

**Анотація.** У статті з позицій релігійної філософії В. Соловйєва аналізується філософська проблематика розповіді В.Г. Распутина «Вік живи – вік люби».

**Ключові слова:** філософська проблематика літературного твору, проблема формування особи, сюжет розповіді, художня майстерність, християнське світосприйняття письменника.

**Summary.** Philosophical problems of the short novel “You Live and Love” by V. Rasputin is analyzed in the article from the position of V. Solovyev’s religious philosophy.

**Key words:** philosophical problems of literary work, a problem of personality forming, a plot of a short novel, artistic mastery, Christian mentality of the writer.

Творчество В. Распутина начала восьмидесятих годов оказалось изучено явно недостаточно. Этому были и объективные, и субъективные причины. С одной стороны, рассказы, написанные в восемьдесят первом году, отразили новый уровень художественно-философского мышления писателя [см.: 12; 4] и потребовали соответствующего уровня от критики, – автор явно опережал её значительную часть по уровню мышления. С другой стороны, существовало препятствие, связанное с официальной идеологией атеистического времени.

Тогда писать о самом интересном в рассказах было опрометчиво. Когда об этом писали, то написанное напоминало доносы в соответствующие охранительные органы.

Сегодня В. Распутин как-то «мягко» характеризует свои проблемы с тогдашней властью [см.: 9]. А тогда всё-таки уже после «Прощания с Матёрой» дело могло принять и другой оборот. Ю. Лоциц пишет: «Можно только удивиться, каким чудом Распутин тогда уцелел. Что гадать: отмолил его кто или замолвил за него словечко в тех самых коридорах, откуда началась было проработка? Какими добрыми ни изображай 70-е годы, а и тогда немало народу отбывало сроки за идеологию. Не делалось скидок и для литературно одарённых» [см.: 2].

А потом в обществе началась «перестройка», и внимание критики отвлекли совсем другие проблемы. То, что произошло, по словам писателя, было «... настолько оглушительным, что мы стали терять память, настоящие чувства, ощущение себя... Все эти годы я почти совсем не писал художественную прозу, занимался публицистикой – горячей такой публицистикой. Иначе просто не получалось, я не мог равнодушно смотреть на то, что происходит...» [8, с.225].

Только в первой половине девяностых годов делаются первые серьёзные попытки объяснить существо и истоки происшедшего в конце 1970-х годов сдвига в русской литературе, связанного с углублением её философизма, ставшего

следствием её возросшей зрелости. Потребность адекватного осмысления происшедшего за последние, по разным подсчётам, сто – семьдесят лет, потребовала восстановления единого духовного пространства русской культуры, включающего идейно-эстетических искания её виднейших представителей рубежа девятнадцатого-двадцатого веков – философов В.С. Соловйєва, Н.Ф. Федорова, П.А. Флоренского, Б.П. Вышеславцева и других.

К сожалению, недостаточное внимания уделяется особой роли В. Распутина в этих процессах. Отсутствует четкое понимание места цикла рассказов 81 года в творчестве писателя. Декларативно и неполно характеризуется философская проблематика творчества В. Распутина, которую нельзя адекватно представить без подробного анализа рассказов цикла.

Целью нашего исследования является определение философского содержания рассказа «Век живи – век любви». Этот рассказ принадлежит к циклу, занявшему особое положение в творчестве В. Распутина [см.: 4; 12]. Сам же рассказ является духовным центром не только этого цикла, но и творчества писателя в целом. Автор выносит его заглавие на обложку большинства изданий своих произведений, включая последний юбилейный четырёхтомник, в котором это название даёт название первому тому собрания сочинений [см.: 7; 11].

Рассказ «Век живи – век любви» появился в печати в 1981 году через пять лет после выхода в свет повести «Прощание с Матёрой». О годах, предшествующих его появлению, выразительно сказал А. Солженицын в речи на вручении В. Распутину своей премии. Именно в это время в советской литературе произошёл не сразу замеченный, беззвучный переворот, когда «без мятежа, без тени диссидентского вызова, ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать... в простоте, без какого-либо угождения, кажения советскому режиму, как забыв о нём» [см.: 4]. Именно тогда у В. Распутина окончательно вызрело понимание того, что в русском

обществе за последние сто лет (по состоянию на 70-е годы XX века) произошла подмена или смешение нравственных понятий: «Человек успел заблудиться, последовал за какой-то ложной системой координат и позволил увести себя в такие дебри, из которых теперь непросто выбраться. Даже и имея возможность выбраться, он не знает, что и нужно выбираться, полагая, что находится на правильном пути» [8, с. 225].

Поиску, как он позднее выразится, «правильных координат», обретению своего места в нравственном миропорядке, а также пониманию «меры своего отклонения» [8, с. 225] посвятит он эти годы.

Кто-то в это время хлопотал о вступлении в партию, желая упрочить своё положение, а беспартийный Распутин в 1979 году принял крещение [см: 9]. Завершение коренного перелома в мировоззрении писателя и предопределило содержание произведения.

В центре рассказа «Век живи – век люби» проблема формирования личности, которой будет дано и по духу, и по уму осознать меру отклонения мира, в котором она живёт.

Валентин Распутин – писатель, чьим творческим кредо стало недопущение прямоговорения, имея, что сказать, исключительно тонко строит своё повествование. Настолько тонко, что его заветные мысли раскрываются не вдруг, не сразу и, надо признать, не каждому. Для возможно более адекватного анализа этого рассказа следует сначала выделить его внешний сюжет, а потом вникнуть в то, что уместнее назвать внутренним сюжетом.

Событийный ряд рассказа сведён к минимуму. Внешний сюжет незатейлив и совсем не связан с названием: подросток пятнадцати лет, по имени Саня, принимает решение стать самостоятельным. Ему повезло, и он остался один дома. В качестве самостоятельного человека он начинает находить удовольствие в выполнении работ, которые раньше его обременяли. По случаю, Саня отправляется вместе со спутниками в тайгу за ягодами. В дороге он переживает сильные впечатления от увиденных картин природы. Из-за неопытности, Саня собирает ягоду в оцинкованное ведро, что недопустимо. Спутник же его, дядя Володя, желая «поучить», сообщает ему об этом только в конце пути. Ягоду высыпают под откос. Утомлённый, ничего не понимающий Саня, засыпает и видит сон, в котором звучат разные голоса и среди них один – «грязный и грубый» [11, с. 41].

Внутренний сюжет рассказа связан с изображением неудачной поездки подростка за ягодами как движения становящейся человеческой души по пути познания мира и себя в нем. Это движение имеет отчётливо выраженную траекторию. Сначала – восходящего характера: подросток поднимается на высоты познания величия и благодати мира и того, кто его создаёт. Затем, в результате столкновения с присутствующим в этом же мире разрушительным злом, движение души Сани приобретает траекторию стремительного падения

вниз с достигнутой высоты. Глубина падения может быть равна бездне, если молодой герой не получит внешней поддержки или защиты. Интрига рассказа заключается в том, что формула спасения героя не включается непосредственно в сюжет, она сформулирована автором в заглавии рассказа, что значительно расширяет его функциональность.

В развитии внутреннего, его можно условно назвать, философского сюжета, прослеживается ряд этапов.

Первый – имеет характер экспозиционного. На этом этапе автор изображает исходные представления героя о человеке и жизни. Они формируются в школе, в семье, под воздействием прочитанных книг и в результате собственных наблюдений пятнадцатилетнего героя. Точно рассчитанными мазками В. Распутин создаёт картину, которая вызывает тревогу и у него, и у читателя.

Вот автор изображает героя, который для того, чтобы справиться со страхами одинокого ночлега в старом деревенском доме, берётся за чтение гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Спокойствие приходит к Сане тогда, когда он, сравнивая гоголевскую нечистую силу с той, которую можно встретить сейчас, приходит к выводу, что нынешнюю нечистую силу нечего и бояться. Нынешняя нечисть – обесславленная и исхудавшая. Интересно, откуда у молодого человека такие сведения? Кто обесславил нечисть, о страшной силе которой рассказывал великий Гоголь? И так ли это на самом деле? Прямоговорение бы объяснило, что советскому школьнику известно, что призраков и нечистой силы в природе не существует, это выдумка невежественных стариков (вот и обесславили и стариков, и нечисть!). Основное же зло, в виде царизма, уже побеждено, осталось преодолеть пережитки старого мира и так далее по соответствующим времени прописям.

В семье Сани – папа-горожанин, любящий деревню и вслух рассуждающий о романе В. Набокова «Дар», (невесть какими путями попавший в провинцию до 81 года). Мама – деревенская, убежавшая в город. Типичная для этого времени семья. Но это мама догадалась, что в присутствии сына нельзя цитировать, а тем более развивать идеи героя набоковского романа А.Я. Чернышевского: «А вдруг запомнит?». О самой же идее она отозвалась: «Что за глупость?». Мама оказалась права: сын запомнил и фразу, и папины вариации на её тему. Многозначительность слов «смертный ужас рождения» [11, с.17; 3, с. 278] явно заинтриговала его. Можно предположить, что он ненадолго заглянул в папину книгу, судя по тому, как спустя некоторое время, Саня, не очень точно, в меру своего понимания, будет воспроизводить бред умирающего атеиста. Глубокий пессимизм представлений неверующего А.Я. Чернышевского о мире и человеке нашёл отклик в восприятии юного героя и его значительно более опытного отца. То, что проблематика романа В. Набокова значительно богаче, чем это представлено в эпизоде, и что автор романа не разделяет представлений своего

героя, хорошо известно В. Распутину. Эффективно используя приём интертекста, на который постмодернисты заявили своё монопольное право, писатель-реалист значительно расширяет границы философской проблематики своего произведения. Заметим, что в рассказе этот приём используется неоднократно.

Книжный пессимизм воспринимается Саней с повышенным вниманием, потому что подпитан впечатлениями от реалий, в которых разворачивается жизнь и его, и отца. Атмосфера общего неблагополучия жизни наполняет эмоциональное пространство рассказа. Что-то происходит с людьми. Вот Митяй – он и сидел, и пьяница, но, по характеристике отца, «и в самом скотском состоянии остаётся человеком ..., не то что некоторые трезвенники» [11, с.10]. Люди, которые вместе с Саней поджидают поезд, кажутся ему огромной недружелюбной толпой, негатив в отношении к ней усиливается характеристикой Митяя: «орда», «саранча, которая выгрызает всё от черемши до кедровых орехов подчистую» [11, с. 15].

В сцене остановки поезда на 80-ом километре, когда выходит половина ягодников, внимание Сани привлекает вид нежилых домов - обязательный элемент пейзажа местности, связанной со строительством ГЭС. Непременные переселения, затопления, сопутствующие грандиозными стройками, сгоняли людей с веками обживаемых земель. Ничего удивительного, что люди, именно в местах расположения заброшенного в приказном порядке селения, надеются на богатую добычу: в давние времена умели выбирать место для поселения, обильное ягодами, зверем, рыбой, плодородной землёй. Далее повествование приобретает колорит, напоминающий мистический. Нежилые дома, совсем в духе набоковского героя начинают казаться Сане чужими гробами. А люди, которые проходят мимо чужих домов-гробов в тёмный распад, идущими «в поисках своего собственного вечного пристанища». Сане кажется, что в странных посудинах - горбовиках – (приспособлении для переноса поклажи на спине) – люди несут итоги своей жизни. «Что там ягода?! Ягода так, для отвода глаз» [11, с.16]. На фоне заброшенного жилья в воображении подростка возникает тема вечного пристанища человека и возможного явно неудовлетворительного итога его жизни. «Смертный ужас рождения...», бессмысленность жизни саранчи и толпы, а потом ещё более безобразный её финал. Неужели это всё, чего следует ожидать от жизни? Но в Сане нет бунта. Пока он совершает своё движение, накапливая впечатления, руководимый идеей: «Хватит ходить по указке, поступать по подсказке, верить сказке...» [11, с.3].

Следующий этап в развитии внутреннего сюжета связан с изображением места, где предстояло собирать ягоду. Недоступное, по разным причинам, людям толпы, оно своей красотой и величием поразило юного героя: «Здесь был предел, трон...» [11, с. 28]. Негатив впечатлений, идущих от жизни, сменился ярким позитивом, до сих пор неизвестным подростку. Саню поражает совер-

шение этого нетронутого мира, его красота, законченность, возвышенность и непостижимость. Увлечённый идеей самостояния, очень довольный своими успехами в достижении самостоятельности, Саня начинает догадываться, что внутри такого совершенного мира человек не может действовать в слепую, по своей воле. У человека вся жизнь должна быть заложена изначально, «... в нём... должна быть память, которая и помогает ему вспомнить, что делать» [11, с. 21]. Всякая жизнь – это воспоминание вложенного в человека от рождения пути. Почему же люди такие разные? А люди различаются тем, что один этой памятью пользуется, другой – нет. А третий идёт наперекор ей. Память о пути.

Как отличаются чувства Сани, рождённые созерцанием величия мира и человека в нём, от того, как характеризуется жизнь в отцовской книге, от тех мыслей и чувств, которые он испытал на 80-ом километре!

В сцене сбора ягод открытие мира продолжается. Оказывается, что он так щедр и великодушен! Он столько припас человеку для радости и удовольствий, для его здоровья. Слово «любовь» ещё нигде не звучит, но присутствие любви уже ощутимо. Тот, чьё имя в рассказе так и не называется, являет свою любовь и миру, и самому Сане. Нужно сказать, что и Саня раскрывается в этой сцене с новой стороны. Принимая от мира его дары, герой испытывает «удивление, и восторг, и вину, и что-то ещё, чему Саня не знал имени и что западало в душу всё это вместе скрепляющим чувством – смутным и добротворным» [11, с.28]. Сбор ягоды Саня превратил «в живое и чувственное рукоделие», теряясь в его густом узоре. Когда же он приходил в память, то с трудом узнавал и «озирался вокруг: вот он, оказывается, где, это он, оказывается, ягоду берёт, а ему чудилось...» [11, с.29]. Сбор ягоды как рукоделие? Действительно, Саня не уничтожает ягоду, а создаёт нечто.

Распутин не доверяет олицетворению. В его описании ягода остаётся ягодой, но вместе с этим она представляется как естественная и неотъемлемая часть мира, в который попал Саня, мира, который ищет с ним связи. И ягодка, попавшая к нему в рот, её нежно тающая сладкая плоть – это мир, входящий к нему, добротворно его наполняющий. А чувство вины у Сани – это от того, что он ещё не знает, как ему достойно ответить на великодушие мира.

Новый уровень восприятия мира достигается Саней ночью в тайге. Логика его познания такова, что после всего пережитого днём, ночью, в кромешной тьме у костра он не может не почувствовать свою малость в этом мире. Но у него рождается ощущение, что он в этом мире не один. Есть кто-то, кто и устроил всё, и теперь, наедине с ним, обещает ему что-то открыть. Оно, невидимое и всесильное, склонилось и рассматривает, он ли это, улавливает все его чувства, его тайную жизнь и по ней определяет, есть ли в нём и достаточно ли того, что есть, для какого-то исполнения.

И кульминационным моментом этого познания становится ощущение чувственного контакта между Саней и тем, чему имени он ещё не знает: «И вдруг тьма единым широким вздохом вздохнула печально, чего-то добившись, затем вздохнула ещё раз. Дважды на Саню дохнуло звучанием исполински-глубокой, затаённой тоски, и почудилось ему, что невольно он отшатнулся и подался вослед этому возвеченному, невесть как донёсшемуся зову – отшатнулся и тут же подался вослед, словно что-то вошло и вышло, чтобы, поменявшись местами, сообщаться потом без помехи. ...приятное тепло сплошной мягкой волной разлилось по телу... ощущение особенной полноты» [11, с.32]. Некто, тоскующий от своего всезнания, будучи всевеликим, снисходит к малому, зовёт его, согревает. Почему? Опять не звучит ни в воздухе, ни в тексте заветный ответ, но слова здесь и ненужны. В восемьдесят первом году писатель был вынужден пользоваться словами-заместителями. Если бы он позволил себе назвать словом эту благодать, то выглядел бы «говорящим попугаем среди людей» [11, с. 36].

На следующий день наступает рефлексия. Вновь и вновь, пытаясь проанализировать свои впечатления, Саня приходит к выводу: «Слишком велик и ничему не подвластен, слишком вышен и всеславен был он, этот день, чтобы поддался он хоть какому-нибудь умственному извлечению из себя. Его возможно лишь чувствовать, угадывать, внимать...» [11, с. 36].

Встреча состоялась. Герой достиг таёжного каменного «трона».

Подъём был долгим и трудным, но герой в его результате, внешне – наполнил ведро отборной ягодой, а внутренне – наполнил душу новыми для себя прекрасными мыслями и чувствами.

Спуск закончился, внешне, из-за желания дяди Володи, то ли научить, то ли проучить молодого; уничтожением ягоды. А внутренне? Утратит ли Саня то, что он открыл для себя в ночной тайге? Ответ на этот вопрос остаётся, формально, за пределами рассказа. Однако автор предпринимает попытку укрепить силы своего героя и делает это в свойственной ему манере: без прямоговорения и очень тонко. Распутин использует три, хорошо известных по отдельности, литературных приёма: «сон героя», «интригующее название произведения, внешне не связанное с событийным рядом» и приём «литературно-философской ассоциации».

Приём первый. Сон героя. Функции сна героя в литературном произведении давно описаны. В. Распутин использует информационную: последствием «гадского» поступка дяди Володи становится появление в Сане голоса, произносящего «такое, такие грязные и грубые слова и таким привычно-уверенным тоном, чего в нём не было и никогда не могло быть» [11, с.41]. Герой просыпается в ужасе, недоумевая, откуда в нём это взялось. Сон обладает двумя свойствами: он может сообщать о том, что непременно случится; а может и предостерегать.

Приём второй. Название рассказа.

Название рассказа как бы мерцает, двоится. Век живи – век люби. А сквозь него проступает «Век живи – век учись» ... В нём также содержится и провокация. Для тех, кто знает пословицу: «Век живи – век учись», она созвучна советскому слогану, который приписывали Ленину: «Учитесь! Учитесь! И ещё раз учитесь!». Можно предположить, что неспроста учителем Сани выступает персонаж по имени Володя. Нам известно, как тонко работает с именами героев своих произведений В. Распутин [см.: 1].

Но если заглянуть в «Словарь русских пословиц» Даля, то пословица об учении зафиксирована в нём в следующей форме: ««Век живи век учись (а умри дураком)» [5, с. 225]. В новой редакции пословицы мы видим одну из многих подмен, совершённых в прошлые годы. Пословица из Даля отражала ироничное отношение народа к тому, что возможно человеку изучить всё. В словаре, составленном В.П. Жуковым в советское время, пословица включена в двух вариантах: полном и усечённом [13, с.76]. Составитель приводит многочисленные примеры использования этих вариантов в литературных произведениях. Показательно, кто из литературных героев и как их использует. Так, усечённый – использует госпожа Скотинина, побуждая своего Митрофанушку учить зады [13, с.76]. А просветитель Новиков в «Трутне» разворачивает пословицу в целый этюд о том, что учению нужно посвятить всю жизнь, не рассчитывая на материальную прибыль от этого; а учить надо – добродетелям [13, с.77].

Обращает на себя внимание ещё одно народное изречение об учении: «Учись добром, так худое не пойдёт на ум» [5, с.330]. Валентин Распутин, следуя народным традициям, создаёт свою притчу-пословицу, близкую к уже упоминавшейся пословице из Даля: «Век живи – век люби». Такая трансформация пословицы восстанавливает необходимую гармонию между знанием, учением, добром и любовью. Зло присутствует в мире и стремится победить добро. Оно ищет сторонников, обучающихся у зла. Человек должен сделать выбор между добром и злом.

Но самый главный ключ к раскрытию смысла рассказа даёт третий приём - «литературно-философской ассоциации». Источник этой ассоциации определяется только из знания всех обстоятельств создания рассказа. Два из них: принятие крещения и изучение русской религиозной философии, указывают на В. Соловьёва.

Можно предположить, что влияние В. Соловьёва на В. Распутину имело ту же историю, что и у А. Блока. На писателя, в первую очередь, подействовало поэтическое переложение В. Соловьёвым собственных философских идей. Оттого так легко возникают поэтические параллели из В. Соловьёва в связи с текстом рассказа В. Распутина вообще, и с финальным сном, в частности. Речь идёт о стихотворении В.Соловьёва 1885 года: «Какой тяжёлый сон!»:

Какой тяжёлый сон! Толпа немых видений  
Растёт, растёт и заграждает путь,  
И еле слышится далёкий голос тени:

«Не верь мгновенному, люби и не забудь!» [15, с.49]

Символический образ жизни-сна В. Соловьёва у современного писателя разворачивается в реалистический рассказ. В нём и недоброжелательная толпа-орда, и путь... за ягодами, но с оговоркой: а может и не в ягодах дело. У Соловьёва – толпа, всё увеличивающаяся в размерах, вот-вот окончательно преградит путь герою. У Распутина немая толпа тоже немалая (народ, превратившийся в население), но писатель обрисовывает её резче и конкретнее, даёт ей возможность высказаться через дядю Володю. У Соловьёва благодатная, но

уже далёкая тень (толпа теснит и её) обращается не к уму героя, а к вере и памяти, и наказывает – любить: «Не верь мгновенному, люби и не забудь». Но и у Распутина далёкая благодатная тень подаёт свой спасительный голос (авторский) – в названии рассказа: «Век живи- век люби».

Он сам пережил состояние, знакомое и В. Соловьёву, о котором в 1883 году писал поэт: «Бескрылый дух, землёю полонённый, себя забывший, и забытый Бог...» [15, с. 37]. В истории литературы трудно найти писателя, создавшего в светской литературе произведения, наполненные таким страстным ощущением присутствия Бога.

Валентин Распутин стал для своих читателей благодатным крылом, создавая произведения, развивающие и укрепляющие их души.

### Литература

1. Власова Е.А. Художественные функции имён собственных в произведениях В.Г. Распутина / Власова Е.А. // Науковий вісник Ужгородського університету: Серія філологічна. – 1995. – №1. – с.85 - 90.
2. Лошиц Ю. Мужество побеждённых (К 70-летию Валентина Распутина). [Электронный ресурс] / Режим доступа к статье: <http://www.voskres.ru/articles/loshchits.htm>
3. Набоков В. Дар / Владимир Набоков. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 3. – М.: Правда, 1990. – С. 3 – 330.
4. Панкеев И. А. Валентин Распутин: По страницам произведений. / И.А. Панкеев – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.
5. Пословицы русского народа / [сборник В. Даля в двух томах]. – М.: Художественная литература, 1984– т. 1: Пословицы. - 1984. – 384с.
6. Распутин В. Я отчаялся. Беседу вела Любовь Рак / [Электронный ресурс] / Валентин Распутин. Я отчаялся. Беседу вела Любовь Рак // «Труд». – 28 янв. № 140. – Режим доступа к статье: [http://www.trud.ru/article/29-07-2004/75033\\_valentin\\_rasputin\\_ja\\_otchajalsja/print](http://www.trud.ru/article/29-07-2004/75033_valentin_rasputin_ja_otchajalsja/print)
7. Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Век живи – век люби: повесть, рассказы / В. Г. Распутин; предисл. В. Курбатова. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – 448 с.
8. Распутин В. Если по совести / Если по совести. Сборник статей. – М.: Художественная литература. – 1988. – 398 с. (с. 224 – 236)
9. Валентин Распутин: «Надо, чтобы храм, Церковь были заложены в человека с раннего детства, с первыми понятиями о мире и жизни» Беседу на VIII Всемирном Русском Соборе вёл Валерий Полищук / [Электронный ресурс] / Режим доступа к статье: [http://www.pravoslavie.org.ua/index.php?action=fullinfo&r\\_type=&id=5102](http://www.pravoslavie.org.ua/index.php?action=fullinfo&r_type=&id=5102)
10. Распутин Валентин: «Самая большая беда литературы – безъязыкость». Беседу вела Надежда Горлова/ [Электронный ресурс] //Новый мир – 2000. – №5. – Режим доступа к статье: [http://www.lgz.ru/archives/html\\_arch/lg142002/Tetrad/art11\\_1.htm](http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg142002/Tetrad/art11_1.htm)
11. Распутин В. Век живи – век люби. Рассказы / Валентин Распутин. – М.: Молодая гвардия, 1982. –285 с.
12. Семенова С.Г. Валентин Распутин / С.Г.Семенова. – М.: Сов. Россия. – 1987. – 175 с.
13. Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В,П, Жуков. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 535с.
14. Солженицын А. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 г. / [Электронный ресурс] //Новый мир – 2000. – №5. – Режим доступа к статье: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2000/5/solgen.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/5/solgen.html)
15. Соловьёв В. Избранное / Владимир Соловьёв. – СПб.: Диамант. – 1998. – 448 с.

**Власова Євгенія Анатоліївна** – ст. викл. кафедри російської літератури УжНУ.